

К

огда-то Диана Кан, человек щедрой души, прислала мне из города Новокуйбышевска Самарской области первую книжку своей ученицы Карины, участницы народного творческого объединения «Отчий дом». Была она беззащитно-тоненькой, но я уже успел к тому времени сделать для себя, может быть, и поспешный, но вполне искренний вывод: «А стихи — это тонкие первые книжки, / что стесняются юной своей худобы».

И то, что книжка Карины тоже «стеснялась», меня не смутило. Насторожило другое: уж в очень юных годах для автора поэтического сборника пребывала начинающая поэтесса. А у меня к ранним дебютам отношение двойственное. Да, история русской литературы знает немало случаев раннего проявления поэтического дара, достаточно вспомнить Михаила Лермонтова, Сергея Есенина. Из своих сверстников могу назвать Николая Дмитриева. Но это были именно «случаи» — единственные в своем роде; а сколько их было, сбитых с толку юных «звездочек» — и горьких прозрений потом, и жестоких разочарований, и разбитых судеб...

Каких-то строк из той первой книжки подающей надежды новокуйбышевской поэтессы К. Сейдаметовой у меня в памяти не осталось. Зато осталось ощущение: в строках тех, во мно-

гом наивных, порывистых и угловатых, сквозил простор русской равнины и тянуло холодком судьбы — едва ли не случайно угаданной, еще не случившейся, только брезжащей, но — неизбежной. А еще — проступал характер, тот самый, который потом отольется в чеканные, так и хочется сказать — «не женские» максимы:

Я — не перчатка и не груша. Я — удар.

И — беркута прицельное кружение.

Об этом стержне, позволившем поэтессе, отдав лишь малую дань расхожему «ученичеству», рано обрести глубокое лирическое дыхание и «штучную» поэтическую интонацию, говорят теперь многие понимающие толк в поэзии люди. И не случайно свое вступительное слово к книге Карины Сейдаметовой «Вольница» поэт Николай Коновский начинает с цитаты, где первая строка «взблескивает», как остро отточенная казачья шашка: «Нрав мой — клинок стальной. А ты думал — шелк?»

Скажу об этом и я, только в несколько ином плане. Но сначала небольшое предисловие, без которого здесь не обойтись. Я думаю, что поэтический характер (и голос, которому под силу «глаголом жечь сердца людей») вырастает не сам собой, и, тем более, не из площадного гула, не из трибунного пафоса. Например, выдающийся поэт XX века «горлан-главарь» Владимир Маяковский пришел в поэзию, как сдается мне, вовсе не из «ста томов партийных книжек», а из... «Облака в штанах». Он, бронзово-монументальный, учивший даже, «как делать стихи», на самом деле вырос из чувства — тонкого, ранимого, незащитного, рвущегося в груди перетянутой зябкой струной: «...сердце возьму, / слезами окапав, / нести, / как собака, / которая в конуру / несет / перееханную поездом лапу».

Не стану уверять вас, уважаемые читатели, что мое скромное суждение является новым и каким-то значительным. Оно и не к чему: зачем мне литературоведческие лавры? Но свое знакомство с творчеством всякого поэта, в том числе и похорошему громкого, я начинаю именно с этого: с поисков растерянной или восхищенной немоты, перехватывающего горло молчания-шепота, той самой «перееханной поездом лапы». И, как правило, поиски мои не бывают напрасными. Потому что поэзии — даже самой уверенной в себе, умеющей брать высоты и стоять на смерть — без этого не бывает.

Без удивления — самого наивного, самого детского, «распахнутоглазого», за которое тебе, читателю, по-взрослому боязно.

Без отчаяния — «бойца без правил», с поставленным ударом, но не слишком стойкого, с коротким дыханием.

Без боли, похожей на сдавленный, зажимаемый руками во рту крик — или на темную комнату с задернутыми шторами, сквозь которые, где морщинка-щелочка, пробивается тонкий свет.

И все высокие поэтические смыслы вырастают, по сути, из «ничего» — из крохотного лирического переживания. Но переживание это, к счастью, не оплатишь «бумажной мелочью»: ни блестящим словом, ни ловким жестом. Только чувством — глубоким, подлинным, тобою пережитым...

С Кариной Сейдаметовой, уже не юной девушкой из самарской глубинки, а имеющей имя, много публикующей московской поэтессой, я познакомился в октябре 2019 года в Воронеже на межрегиональном совещании молодых литераторов «Школа Андрея Платонова». Оба мы были руководителями поэтических семинаров, и хоть семинары нам выпали разные, это не помешало, что называется, «увидеть» друг друга, обменяться книгами. А у меня есть дурная привычка: подаренные коллегами книги я, прежде чем определить на полку, не пролистываю «наискось», а читаю. Ну, а тут еще такая трогательная предыстория...

И увиделось, открылось за яркой дверью-обложкой подаренной автором книги «Вольница» именно то, что я с терпеливой надеждой ищу в каждом попавшем мне в руки поэтическом сборнике. Что? Ну, я же выше все уже объяснил...

Я помню из детства: мы с папой в апреле,
В полуденном парке, с названием «Дубки»,
Катались на яркой, большой карусели.
Был полдень крылат, были мысли легки.

Кажется, вот оно, карамельное детское счастье: весна, уносящая из обиденности в сказку карусель, надежные папины руки, не дающие оступиться закружившейся дочурке. Но как хрупко, как неверно оно, это запыхавшееся детское счастье:

Там я проглотила соленую льдинку.
Спросила отца: «Ты от нас не уйдешь?» —
«Дочурка, дочурка, родная кровинка...
Когда повзрослеешь, простишь и поймешь...»

И вместо «Клубники со сливками» у счастья уже кисловатый привкус барбариски во рту. Всезнающая наша взрослость, конечно, сделает умное лицо: «Ничего страшного, в жизни такое нередко случается...» Только вот всегда ли права она, всезнающая наша взрослость?

И я повзрослела, и даже простила.
Но не поняла, не хватило мне сил,
Какая неверная сила царила,
Как мама молчала... Отец уходил.

«Отец уходил» — всего два слова, от которых во рту уже не барбарисово, а солено. И останавливается карусель, большая и яркая. И рушится мир — огромный, теплый, еще мгновение назад прижимавший тебя к своей груди. Так просто — и так серьезно все, если вдуматься. Не здесь ли он и берет начало, тот самый характер, который, выстояв, спустя годы даст эту запоминающуюся поэтическую самохарактеристику: «Я — удар»?

Впрочем, характер — это не только ссадины, обиды, разочарования, преодоления. Это еще и «Новокуйбышев. Бабушка Анна». И деревня Марьевка, где будущая поэтесса «девочкой маленькой // взрастала день ко дню», извечным способом «взлетов и падений» укрощала норы старого дедушкиного «лисапеда». И чувство, без которого не родились бы эти светлые, «летающие» строки:

Ты снишься, как черемуховый ветер.
По-майски ясно и светло в саду...
Любовью дышат душевные соцветья,
И я по саду, юная, иду.
Несмелая, иду под вздох черемух,
Себя на «до» и «после» не деля.
Мой самый точный, самый важный промах —
Жить начинаю набело, с нуля.

От характера лирической героини неотделим и столь неординарный ее старший литературный друг «дядя Женя» (кажется, я его знаю!), с которым можно поговорить «за жизнь» запросто, без обиняков:

Меня влечет литература
И вдохновения полет...
А дядя Женя крикнет: «Дура!»
И по второй восклень нальет.

Наш разливной самарский гений
Все норовит меня послать
Подальше от «чудных мгновений»,
Хмельное счастье пытаться.

И даже Маяковский, как кому-то могло показаться, не слишком к месту «пристегнутый» к моим заметкам, здесь вовсе не лишний — как тот оселок, на котором как раз и оттачивается характер:

Ты давненько про все рассказать хотел.
Вот, мол, был Маяковский чудной мужик!
От идейных тем до лилейных тел,
Маяковский был из чумных прожиг.
Да, видать, притвора ты из притвор.
Лжи прилежно талантливый ученик.
Расскажи мне, как дружат с тех давних пор
Маяковский, Ося и Лилия Брик!

И как мало он значил бы, характер этот, без этого вот уже совсем «взрослого», пристального и честного осмысления жизни целого поколения:

Что внукам своим мы однажды ответим —
Ответ не готов и не нов...
Что помнят забывшие, бывшие дети
«Лихих девяностых годов»?
Взрослея до срока, подростки-подранки,
Под стадный разгром площадей
Мы помним, как двигались русские танки
На русских угрюмых людей.

Нередко говоря о поэзии Карины Сейдаметовой, отмечают прежде всего тяготеющую к фольклору напевность, лексическую щедрость, простор и удаль, которые так естественно и радостно впитаны «вольницей-иконницей» ее размахистых, сильных, уверенных в себе строк. Все это в стихах поэтессы есть, причем без примеси лубка и картона театральных декораций, навязшего в зубах фальшиво-исконного «Ой ты гой еси!».

Как вдоль бережка, вдоль правого
В роще зреет чернотал.
Принимай меня, удалого,
Батька Гурьев, брат Урал!
Здравствуй, вольница-иконница,
Крепь охранная страны.
Покрестясь, казак поклонится
На четыре стороны.

И тут же — о другом, но столь же естественно и самобытно:

Погоди, скорым-скоро в проталинках
Расшалится марток-зимобор,
А пока все бока о завалинку
Лютедь — снежный котейко обтер.

Но яркость этой фольклорно-сказовой «картинки» порой сбивает нас, читатель, с толку, застит нам глаза. И за кадром остается так много иного, тонкого и болевого; и образ лирической героини (ну ладно, пусть будет — автора, если вам так удобнее) начинает приобретать черты лишь некоей современной амазонки с пашкой в нетерпеливой руке. При всей моей глубокой симпатии к поэзии мужественной и духоподъемной (здесь К. Сейдаметова на голову выше многих «изящнословных» представителей «сильного» пола), такое слишком уж «линейное»

истолкование кажется мне поверхностным, обедняющим творческую палитру поэтессы.

И еще об одном важном для понимания стихов Карины Сейдаметовой обстоятельстве нужно сказать. О том, что... Впрочем, дадим сначала слово самой поэтессе:

То тюркская, то скифская царевна...
Две крови древних напитали вены,
Сражаются, вращая жизни ось,
В них страсть и нежность, доброта и злость.

Эти первые строки заглавного, не случайно вынесенного в начало книги стихотворения создают напряжение, как электрическое поле: ведь две крови, призванные продолжить жизнь, «сражаются». Но в поле поэтическом выход всегда находится — порой неожиданный, парадоксальный:

Две стороны одной луны мерцают.
И я за обе, как могу, молюсь...
Когда клянут друг друга Золотая
Орда-беда и грусть-Святая Русь.

Ключевое слово здесь — «молюсь». Именно оно возникшее напряжение утишает, «заземляет». И не вдруг понимаешь, что молится-то русская поэтесса, «то тюркская, то скифская царевна» Карина Сейдаметова не столько за себя, сколько за нас, ее читателей, ее соотечественников. За нас, в чьих жилах за тысячелетия срослось в одно столько родов, воинственных и мирных, «кочевых и боевых» — пальцев обеих рук не хватить сосчитать. Выискивать в себе ту кровь, которая тебе больше глянулась, делить текущую по твоим жилам жизнь, склонять ее «по родам» дело не просто пустое — самоубийственное, гибельное. Все мы, сроднившиеся за века, должны, конечно же, образно говоря, помнить свое отчество, но служить — Отечеству. Кто-то с этим не согласится — дескать, звучит слишком пафосно, лозунгово. Но у поэзии свой язык и своя правда; может быть, она сумеет сказать главное о нас так, что мы сумеем себя услышать?

Наследье предков — роковая мета!..
Не потому ль характер мой суров?
В нем царствует татарин Сейдаметов
И властвует казак — Пономарев?
Правители судьбы моей строптивой,
Два рода: кочевой и боевой —
Кресало и кремь, а я — огниво
Фамильной жгучей связи родовой...

Казалось бы, биографические «меты» расставлены здесь таким образом, что это не позволяет прийти к иному выводу: поэтесса говорит о себе. Но поэтическая речь тем и дорога нам, что не дает втиснуть себя в рамки грамматически-бухгалтерского построчного толкования. И вот уже я, читатель, вместе с автором молюсь (тоже — «как могу») за то, чтобы «две стороны одной луны» срослись, слились в одно не только в предельно искренней поэтической строке, но и в жизни — такой большой и сильной, вместившей миллионы маленьких человеческих судеб, гордящейся своим историческим величием, но в минутных ли, вековых ли обидах своих становящейся порой такой уязвимой, такой хрупкой...

Думаю также, что собранным в книге «Вольница» стихам автором не зря предпослано посвящение: «Светлой памяти моего отца — Сейдаметова Константина Валентиновича». И не случайно родился у автора этот поэтический образ:

Всё-то ты приемлешь
Русский человек!..
...Снег целует землю,
Белый-белый снег.
.....
Ну, а если в зиму
Снега намело —
Это, чтоб могли мы
Просто и светло
Вспоминать, приемля
Грусть земных сердец, —
Снег целует землю.
Снег... и мой отец.

Не зря, не случайно... потому что без чувства трудного и горького, но хранящего и возвышающего душу родства, без боли и памяти, без сострадания и милосердия, без этого вот обращенного к отцу сентиментального «И вспомнится до слез, / как ты меня любил!..» не было бы этой книги. И не было бы даровитой, с неломким голосом русской поэтессы Карины Сейдаметовой, огнива ее строк, впитавших в себя горячую степную волю, от порыва ветра и ночного шороха готовых вспыхнуть как порох.

